

структуру из трех отделений: этнологического, археологического и художественно-исторического. С 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры АН СССР, а позднее — в Институт археологии. Но ныне, как это ни парадоксально, нет ни одного научного учреждения (нет даже лаборатории или проблемной группы!), которое бы занималось историей материальной культуры в целом, и, как следствие, эту миссию берут на себя спорадически и достаточно стихийно то историки, то археологи, то этнографы, то искусствоведы. Может создаться впечатление, что это, в частности, результат отсутствия четких дефиниций, определяющих предметную область каждой из упомянутых наук в изучении памятников культуры. Но причина, как видим, иная.

Таковы мои основные замечания по материалам прошедшей дискуссии.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дискуссия о принципах и методах полевой работы, развернувшаяся на страницах «Советской этнографии», со всей ясностью показала значение полевых исследований как одного из важнейших источников развития современной этнографии.

Она началась заказанными редакцией статьями М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна, отразившими стоящие перед полевыми работниками две основные, или, точнее, одну двуединую задачу — изучение современности и реконструкцию предшествующих этапов истории традиционной бытовой культуры народа. Дискуссия, несмотря на некоторые крайние точки зрения, высказывавшиеся отдельными авторами, убедительно свидетельствовала о том, что эти две задачи невозможно решать отдельно, что в сущности правильность подхода к каждой из них предопределяет успех решения другой. Любой полевой работник, какую бы он ни ставил перед собой задачу, имеет дело только с современностью. Разумеется, современность в этнографическом ее понимании сложна. Она — результат истории. Какой бы цельной (гомогенной) современность нам ни представлялась, она гетерогенна, как гетерогенна по своей структуре историческая действительность на любом этапе истории. Иной раз только специальный анализ позволяет выделить и исторически объяснить элементы или комплексы культуры, возникшие в прошлом (порой весьма далеко). Вместе с тем они функционируют в системе современной культуры и поэтому не могут не считаться фактами современной действительности. Более того, даже то, что уже ушло в прошлое, но все еще хранится в памяти информаторов, является составным компонентом памяти современного человека и в определенном смысле тоже фактом современной действительности, современной памятью о прошлом, или, по словам Н. А. Томилова, «народными знаниями о былом». Само собой разумеется, что полевой исследователь должен четко различать факты, наблюдающиеся в наши дни, и факты, которые извлекаются из памяти отдельных информаторов (в фольклористике так называемый «пассивный репертуар») и фиксировать их соответствующими способами.

Очень важно подчеркнуть, что этнограф-полевик всегда был ученым, исследующим современность. Анализируя современность в историческом движении, он создает, как мы уже говорили, представление о новизне или давности происхождения отдельных ее компонентов. Участники дискуссии (М. Н. Шмелева, Л. Н. Чижикова и др.) справедливо писали, что этнограф, работающий в поле, не может интересоваться только архаическими элементами, как бы они ни были драгоценны в историко-культурном отношении, или только новациями, какое бы будущее последним ни предстояло. Опыт показал, что нарочито выборочный сбор материала ведет к искаженному представлению о действительности. Это особенно

важно осознать в условиях все ускоряющегося процесса урбанизации и научно-технической революции, сопровождающейся быстрой сменой форм и типов культурных явлений.

Участники дискуссии вполне обоснованно обеспокоены тем, что целые комплексы культуры (как материальной, так и духовной и тем более, соционормативной), еще несколько десятилетий тому назад широко распространенные, исчезают из народного быта. Это неизбежно, и в этом отражается социальный, экономический и культурный прогресс, свойственный нашему обществу. Однако, необходимо заметить, что изживаются не только «старотрадиционные» (термин, по мнению большинства участников дискуссии, по крайней мере спорный) элементы, но и явления, возникшие и бытовавшие сравнительно недавно (в 1920—1930-е годы, в годы Великой Отечественной войны, в первые послевоенные десятилетия). Современность меняется быстро, и так же, как мы рискуем навсегда утратить возможность зафиксировать реалии народного быта конца XIX — начала XX в., мы рискуем безвозвратно потерять возможность документировать этнические и этнокультурные процессы недавнего прошлого. Этого не простят нам будущие поколения этнографов.

Отсюда следует, что задач у современной полевой этнографии очень много, и они весьма ответственны. Это неизбежно порождает максималистские призывы к тотальной фиксации всех явлений как традиционного быта культуры в ее архаическом слое, так и современной. Спорить с подобными призывами трудно: максимальное накопление фактов и документов — идеал каждой развивающейся науки. Вместе с тем отвлеченные мечтания подобного рода или продолжающиеся споры о том, все или не все надо фиксировать, не могут не мешать трезвой оценке ситуации и выработке оптимальной стратегии полевой работы на ближайшее будущее.

Участники дискуссии подняли и другие важные вопросы — о значении и смысле вопросников, программ, анкет и иных видов экспедиционного инструментария, о желательном соотношении формализованных опросов и углубленных бесед, включенного и невключенного наблюдения. Были высказаны как меткие и тонкие замечания, так и довольно элементарные и общеизвестные истины. При выборе методического приема очень важно четкое понимание того, что дает каждый прием и чего он не может дать (например, количественный, статистический подход) и шире — каковы возможности и ограничения той или иной конкретной методики, в том числе и традиционной для этнографии. Будущее, несомненно, за рациональным сочетанием разных подходов. И не только будущее. Это уже сегодняшний день полевой этнографии. Именно поэтому так живо обсуждался вопрос о путях и способах нахождения «хорошего» (или лучше — талантливого) информатора-эксперта и о так называемых коллективных опросах.

Следствием некоторых недоразумений был спор о том, что следует считать наиболее продуктивной «единицей» полевого изучения — общность территориальную либо производственную или семью. М. Н. Шмелева в первой своей статье писала, что во избежание автономного, изолированного от общественной среды изучения семьи полезно идти к семье через ее общественно-производственное окружение — территориальную или производственную общность. Это было не теоретическое предположение, как считает В. И. Козлов, почему-то рекомендовавший изучать прежде всего «домашний быт» (?) семьи, а обобщение накопленного опыта, реализованного в ряде достаточно известных исследований.

Правильно подчеркивалась необходимость публикации программ и вопросников, методических пособий и, вместе с тем, регулярного обсуждения теоретических проблем полевой работы в печати. Обращалось внимание и на то, что, к сожалению, не разрабатывается длительная уже теперь (с XVIII в.) история полевых программ и методов как составная часть истории этнографии в России. Обобщение столь богатого полевого опыта принесло бы несомненную пользу. К этому следовало бы добавить: не менее важно позаботиться о приведении в надлежащий порядок мно-

гочисленных хранилищ полевых материалов, рассеянных по всей стране. Только некоторые из них снабжены хорошо разработанными описями, каталогами и картотеками, дающими возможность интенсивного использования собранных полевых материалов. Кстати, накоплению и систематизации их весьма способствовала (и способствует) работа над историко-этнографическими атласами. Поэтому вызывает удивление негативное отношение В. И. Козлова к сбору материалов для атласов, прозвучавшее в его отклике. Следует ли походя, не приводя никаких серьезных доводов, подвергать сомнению целесообразность формирования целой отрасли современной этнографии, имеющей значительные достижения?

Участники дискуссии справедливо говорили и о необходимости проведения серии совещаний (всесоюзных и, разумеется, до этого республиканских или региональных), которые помогли бы всесторонне обсудить принципы разработки планов полевых исследований на ближайшее будущее. Дискуссия показала, что и здесь много недостаточно ясного. Какие «белые пятна» должны быть ликвидированы в первую очередь? Проблема эта не только теоретическая, но и сугубо практическая для каждого района Советского Союза. Известно, что в союзных и автономных республиках, а также в ряде областей РСФСР сложились авторитетные школы этнографов, ведущие большую полевую работу. Весьма целесообразно было бы подумать о тщательном согласовании создаваемых в центре и на местах программ и вопросников, чтобы обеспечить сопоставимость получаемых материалов.